

УДК 94(438+517)
DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-53-65

ПОЛЬСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

© **Иоанна Арванити**

доктор гуманитарных наук
хранитель Архива Польской академии наук (г. Варшава)
Новы Свят 72, 00-330, Варшава, Польша
E-mail: joanna.arvaniti@wp.pl

В статье представлены достижения польских исследователей истории монгольских народов начиная с XIII в. (Бенедикт Поляк), в том числе успехи политических ссыльных XIX–XX вв. (Ю. Ковалевский, А. Чекановский, В. Серошевский), а также добровольцев, которые уезжали в Сибирь или на Дальний Восток работать, и путешественников (К. Гроховский, Л. Ячевский, Ю. Талько-Гринцевич) и заканчивая современным периодом (В. Дыновский, Л. Смырский). Многоотраслевые исследования поляков в Монголии касались географии, геологии, антропологии, языка, литературы, этнографии, истории, материальной культуры и религии монгольских народов.

Ключевые слова: Монголия; поляки; исследования; открытия; путешественники.

POLISH RESEARCHERS OF THE MONGOLIAN PEOPLES

Joanna Arvaniti

Doctor of Humanities, Archivist,
The Archive of Polish Academy of Sciences
72 Nowy Swiat, 00-330 Warsaw, Russia
E-mail: joanna.arvaniti@wp.pl

This paper describes accomplishments of Polish researchers of Mongolia throughout the ages, starting at XIII century (Benedict Polak), through incredible achievements of political exiles of XIX/XX centuries (J. Kowalewski, A. Czekanowski, W. Sieroszewski), as well as scholars who voluntarily "looking for work, adventure or realizing passions they couldn't otherwise fulfill in enslaved homeland" moved to Siberia or Far East (K. Grochowski, L. Jaczewski, J. Talko-Hryniewicz), all the way to modern times (W. Dynowski, Ł. Smyrski). The Poles conducted multi-family research in Mongolia, including geology, geography, anthropology, language, literature, ethnography, history, material culture and religion.

Keywords: Mongolia; Poles; research; discovery; traveler.

Территория Монголии в пять раз превышает территорию Польши. Монголия — это страна пастбищ, страна великих гор (Монгольский Алтай, Гобийский Алтай, Хангай), огромных пустынь (Гоби) и широких лугов.

Первым поляком, добравшимся до Монголии, был францисканец Венедикт (около 1200–1251 гг.). Принято считать, что европейцем, который впервые в XIII в. открыл Азию и достиг Китая, являлся венецианский купец Марко Поло (1254–1324). Однако именно благодаря путешествию Венедикта Поляка и посланца папы римского Иннокентия IV Джованни Плано Карпини (1182–1252)

удалось познать культуру, религию и обычаи Монгольской империи, а также сделать ценные географические открытия.

Информация о том, что Венедикт Поляк якобы происходил из Вроцлава или региона Великопольски, не подтверждена документально. Неизвестно, получил ли он имя Венедикт при крещении или же при вступлении в орден и принятии священства (1236). Не исключено, что он был назван в честь святого Венедикта — польского отшельника XI в. Вероятно, В. Поляк был рыцарем. Бегло говорил на польском, латинском, старорусском и монгольском языках. Он был беден, все свое имущество раздавал нищим. Джованни Плано Карпини, или Иоанн из Пьяндель Карпине, был одним из первых учеников и товарищей Франциска Ассизского и провинциалом ордена францисканцев в Польше, где провел много лет, он хорошо говорил по-польски, некоторые историки даже приписывали ему польское происхождение. Венедикт Поляк был его гидом, секретарем, переводчиком и экспертом по языку и обычаям русинов. Целью их поездки являлось установление мирных политических контактов с Монголией, остановка монгольских нашествий, проникновения христианства в Азию и привлечение монголов к борьбе с исламом. В политическом и религиозном плане путешествие потерпело фиаско, поскольку новый правитель Монголии Гуюк, внук Чингисхана, востребовал, чтобы папа римский и европейские монархи приехали к нему лично, и не желал вести переговоры через посредников.

За более чем два года (16 апреля 1245 г. — 18 ноября 1247 г.) путники прошли около 20 тысяч километров. Им пришлось пробираться через бесконечные степи, высокие горы, пустыни, реки, причем в экстремальных погодных условиях (морозные, снежные зимы и жаркие лета). Францисканцы наслаждались прекрасной природой, чудесными пейзажами и восхищались местными жителями. Все это они подробно записали, благодаря чему после возвращения издали несколько научных публикаций («*Historia Mongołów, zwanych inaczej Tatarami*», «*Podróż brata Jana de Piano Carpino i Benedykta Polaka 1246 roku*»). Венедикт описал свое путешествие в труде «*De Itinere Fratrum Minorum ad Tartaros*» [Отчет]. Это был первый европейский научный трактат о культуре и языках стран Дальнего Востока. Он содержал много монгольских слов и их перевод на латынь. В своем труде автор цитировал письмо Гуюка римскому папе, а также приводил сведения, связанные с Польшей. Они касались хода битвы под Легницей и судьбы князя Генриха II Набожного. «Отчет» был впервые опубликован только в 1839 г. в Париже. В 1986 г. он был переведен на польский адвокатом Анджеем Ихельсоном и опубликован в «*Календаре святого Антония*». О Венедикте в своих хрониках не упомянули, однако ни его братья-францисканцы, ни даже польский летописец Ян Длугош. История его путешествия сохранилась только в иностранных источниках, и поэтому к его имени прикрепилось прозвище «Поляк» (Benedictus Polonus).

Посланцы папы восхищались воинственностью и организованностью монгольской армии. Они описывали ее так: «Надевают парчу и шелк, соболиные и горностаевые шубы. Доспехи у них красивы, превосходны, сделаны из буйволово́й кожи. Их оружие — мечи и палицы, но прежде всего — луки. Они сами —

превосходные воины и могут сделать больше, чем другие, потому что при необходимости они могут даже месяц не есть, а их лошади идут вперед, удовлетворяясь лишь травой. Нет в мире армии более стойкой к труду, армии более воинственной и дешевой. У них отличная военная организованность, справедливость проста и быстра. За убийство нет прощения. За неповиновение, грабеж — смерть. Его режут мечом надвое или бьют палкой, если украл что-нибудь небольшое»¹.

Отчеты участников путешествия развеяли многие предубеждения и неясности, касающиеся монголов. Люди убедились, что татары — народ жестокий, но руководствующийся высокими моральными принципами: они честны, соблюдают семейную чистоту и религиозную толерантность, защищают жизнь женщин и детей побежденных врагов, уважают послов. У них однако опасная цель — завоевать всю землю, оставленная монголам в завещании Чингисханом. Венедикт Поляк положил начало истории польско-монгольских отношений и истории польских научных путешествий. Вроцлав и Варшава почтили его, назвав его именем улицы, и на церкви святого Викентия во Вроцлаве повесили посвященную ему мемориальную доску.

Несколько веков никто из поляков не занимался исследованиями Монголии. Однако многие польские летописцы, а потом историки писали в своих сочинениях о монголах, например, Викентий Кадлубек (1150–1223) и историк Ян Длугош (1415–1480).

С XVII в. отношения поляков с Монголией и Китаем были опосредованы Великим княжеством Московским. Важно упомянуть о Яне Кшиштофе Бялобоцком, который, преследуемый иезуитами, покинул Польшу и, переехав в Москву, был в составе русского посольства в Китае Федора Алексеевича Головина (1650–1706) — политика, дипломата и графа, влиятельного сотрудника и советника Петра I. Иннокентий Кульчицкий (1680–1731) — православный епископ, миссионер, один из Собора Сибирских святых — был священником очередного русского посольства, отправившегося в Пекин. До Пекина не добрался польский ученый граф Ян Потоцкий (1761–1815), который в качестве руководителя группы исследователей сопровождал российскую дипломатическую миссию Ю. А. Головкина в Китай. Миссия достигла только столицы Монголии — Урги, поскольку Головкин не хотел подчиниться требованиям китайского дипломатического этикета. В 1806 г. Потоцкий издал свой «*Memoriał o wyprawie do Chin*» [Журнал о странствии в Китай]. Его польский перевод под названием «*Podróże*» [Путешествия] вышел в Варшаве в 1959 г. Путешествие Яна Потоцкого описал известный польский востоковед и языковед, специализирующийся главным образом на монгольских языках, Владислав Котвич (1872–1944) в книге «*Jan hrabia Potocki i jego podróż do Chin*» [Граф Ян Потоцкий и его путешествие в Китай] (Вильнюс, 1935). До Китая добрался в 1820 г. Юзеф Войцеховский, который 19 лет был врачом при императорском дворе. Двор поручил поставить ему памятник в благодарность за излечение одного из князей. Участником дипломатической и рели-

¹ URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Benedykt_Polak (дата обращения: 15.03.2019).

гиозной миссии в Пекин в 1830–1831 гг. был также Юзеф Кобылэцки, офицер императорской армии.

Самым выдающимся польским исследователем Монголии, которого считают создателем научных основ мирового монголоведения, являлся Юзеф (Осип) Щепан Ковалевский (1801–1878) — языковед, востоковед, филомат. Он родился в Бжостовице Великой в Гродненском уезде в бедной семье священника-униата Михала, имел двух братьев — известного педагога Юлиана и Теодозия. В 1816 г. окончил Губернскую гимназию в Свислочи. С 1817 г. изучал классическую филологию на факультете литературы и свободного искусства Виленского университета. В 1819 г. был принят в Педагогический институт в качестве кандидата на должность преподавателя. В 1820 г., после окончания Виленского университета со степенью кандидата философии, преподавал латинский и польский языки в виленской гимназии. В 1822 г. впервые опубликовал свою работу в газете «Виленский Дневник», которая называлась «*Сообщение о жизни и сочинениях Лонгина*». Являлся членом Общества филоматов и филаретов, председателем Лазурного союза. Дружил с Адамом Мицкевичем, Томашем Заном и Яном Чечотом. В 1823 г. был арестован за свою деятельность в Обществе филаретов, а в 1824 г. сослан в Казань с предписанием изучать восточные языки — арабский, персидский и татарский. В Казани стал директором гимназии и управляющим средними школами Казанской губернии.

В 1827 г. российская власть приняла решение расширить область востоковедения в Казани и с этой целью учредить специальный институт при университете. В 1828 г. Ковалевского отправили на четырехлетний курс обучения в Иркутск, для того чтобы он ознакомился с языком, грамматикой, обычаями и религией Монголии. Вот фрагмент инструкции, которую в 1830 г. получил Ковалевский от куратора Университета в Казани Алексея Семеновича Мусина-Пушкина: «Начальство ожидает, что Вы будете хорошим и тщательным учителем, но ученый мир желает также увидеть в Вас достойного и глубоко думающего исследователя языка, истории и древности малоизвестного еще монгольского народа, владеющего в прошлом просторными странами Азии и Европы. Главной целью считая изучение монгольского языка, прошу Вас обратить также внимание на языки соседних народов, связанных с монголами религией и одним правлением, то есть языки маньчжурский, тунгусский и китайский. [...] Во время путешествия среди бурятов присмотритесь, пожалуйста, к их обычаям, особенно их ламайской вере, попытайтесь получить сведения о ее начале, распространении и сегодняшнем состоянии, о степенях и власти духовных лиц, об их обрядах и священных книгах» [3, с. 44]. В Иркутске Ковалевский получил начальное обучение по монгольскому языку под руководством местного пограничного губернского переводчика Александра Игумнова (1761–1834) и быстро овладел языком. В 1828–1833 гг. путешествовал по Сибири, Монголии и Китаю [12]. Он писал: «Приходилось пробираться по степям, лесам непроходимым, по бездорожью, карабкаться по отвесным скалам, чтобы отыскать кочевья и в закопченных юртах искать людей, знакомиться с ламами, вместе с ними ездить на богослужения, по святыням и монастырям, всюду пытаюсь извлечь что-либо полезное для себя, раздобывать и пе-

реписывать древние манускрипты, корпеть над ними день и ночь; и тем временем с бритой головой, завернутому в монгольский халат, мне приходилось обойтись мисочкой чая, так называемого *кирпичного*, куском баранины жареной над костром, без хлеба и соли. [...] Сколько месяцев мне приходилось спать на замерзшей земле, засыпанной снегом, между верблюдами или оленями! Возможно ли на этом куске бумаги перечислить все мои приключения, как грустные, так и веселые?» [3, с. 62]. Во время описываемого ученым продолжающегося год путешествия он «хорошо узнал жизнь бурятов, их обычаи, религию и, прежде всего, язык. Стоит особенно подчеркнуть, что [...] он пытался узнать не только литературный общемонгольский язык, но также особенности многочисленных бурятских диалектов, материалы для будущего монгольского языка он накапливал как из книг, так и из живой речи. Его интересовал также бурятский фольклор, особенно старинные легенды. Не пропускал также археологических памятников и пытался соединить их с известными ему письменными источниками по истории Средней Азии» [3, с. 62]. Занимался языковедением, литературой, историей и этнографией монгольских народов. Высоко ценил и уважал бурятов. Он писал: «Живу здесь между бурятами, всегда готовыми помочь в моих научных трудах. С ними читаю, разговариваю, свободное время провожу в близлежащих кочевьях, храмах, участвуя в службе или дружеском пире. Везде встречаюсь с такой же вежливостью взамен за вежливость» [3, с. 100]. Большой заслугой Ковалевского было, например, учреждение в собственном доме «мастерской», в которой волонтеры переписывали под его руководством на бумаге, купленной по его просьбе Казанским университетом, обширные монгольские и тибетские светские и духовные книги. Условия работы Ковалевского зимой были очень тяжелы. Он пишет например: «Снаружи буря не утихла: сильные ветры несут кучу снега вдоль степи к горному хребту, растянутому над Селенгой [!]. Мои окошки, заклеенные наподобие китайских, едва не выпадут, и я, сидя здесь у печки, замерзшими чернилами пишу Тебе несколько слов» [3, с. 105].

В 1833 г. Ковалевский стал профессором-адъюнктом первой в Европе кафедры монгольской филологии в Казанском университете. В 1834 г. он получил звание профессора экстраординарного, а в 1837 г. — профессора ординарного Казанского университета. Трижды избирался деканом филологического факультета на четырехлетний срок. В 1855–1860 гг. был ректором Казанского университета.

О нем говорили, что он очень желанный холостяк. 20 июня 1836 г. он писал другу из Общества филوماتов, поэту и архивисту Онуфру Петрашкевичу: «Поверишь ли ты, что я, сидя в своем кабинете, получил уже около шести предложений жениться? Стоит смеяться, и я посмеялся вдоволь. Вот видишь как, и здесь холостяки, даже закоренелые, ценятся. А в нашей стране что?». Вскоре он женился на Анне Соколовне, русской, возможно татарского происхождения, возможно дочери ректора или возможно, как следует из замечания самого Ковалевского, дочери скромного церковного работника Андрея. У них родилось три сына и дочь. Осип Ковалевский не занимался детьми, их воспитывала мать согласно русским традициям. Дети Ковалевского были православные и считали себя русскими, хотя сын Павел неплохо говорил по-польски. Один из сыновей

Ковалевского умер в детстве (в 1847 г.), старший сын, Николай (1840 г. р.), увлекавшийся историей, стал выдающимся врачом, профессором, ректором Казанского университета. Младший сын Павел (1843 г. р.) был художником-баталистом, профессором Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге, получил Золотую медаль академии за большую картину «Первый день сражения под Лейпцигом» [11]. О дочери Марии (1848 г. р.) историк-востоковед Василий Васильевич Григорьев (1816–1881) писал: «Мария Осиповна такая милейшая девушка, что я на старости лет влюбился в нее» [3, с. 121]. Он восхищался всей семьей Ковалевского: «Какой Вы счастливый человек, почтеннейший Осип Михайлович. Старший сын Ваш... начал свою научную карьеру так блистательно, как редко кому удается, [...] Анна Андреевна — барыня такая умная, ласковая и любезная, что днем с огнем такой поискать» [3, с. 121].

В 1862 г. О. Ковалевский возглавил кафедру Всеобщей истории, заняв должность декана историко-филологического факультета в Главной школе в Варшаве, а затем в Императорском Варшавском университете, в котором активно работал до конца своей жизни. Умер в Варшаве, был похоронен на кладбище Повонзки. Ковалевский являлся членом Императорской академии наук в Петербурге, *Société Asiatique* в Париже, Общества истории и древностей российских в Москве, Виленской археологической комиссии.

Он писал по-польски, по-русски и по-французски в «Еженедельнике Петербургском» и «Казанском Вестнике». Его наследие включает более чем 72 печатных сочинения и 19 неизданных. Ковалевский собрал также значительную коллекцию монгольских рукописей, печатных работ и этнографических материалов, большую часть которых передал Казанскому университету и Виленскому университету. Его коллекция, которая хранилась в Варшаве, сгорела во время Январского восстания в 1863 г. при разгроме дворца Замоиских и покушении на губернатора Берга.

Важнейшими публикациями Ковалевского являются «*Gramatyka języka mongolskiego*» (Казань, 1835), «*Монгольская хрестоматия*» (Казань, 1836–1837), «*Dictionnaire mongol-russe-français*» в 3-х томах (Казань, 1844–1849), который до сих пор является основой для изучения монгольского языка и считается лучшим монгольско-русско-французским словарем, в 1933 г. этот словарь был издан в Пекине. В Центральном архиве Татарской Республики в Казани хранятся некоторые рукописи неизвестных сочинений Юзефа Ковалевского, например, трехтомная «*История Монголов*» и «*Введение в историю Монголов*». Они содержат кроме научных материалов, собранных во время пребывания среди малоизвестных тогда монгольских племен кочевников, подробное донесение о путешествии Ковалевского по Монголии через пустыню Гоби за несколько десятков лет до похода Пржевальского в эту страну.

Российская империя каждый год ссылала в Сибирь многих польских патриотов, повстанцев, политических деятелей, подстрекателей. Ссылные иногда делали неудачные попытки сбежать из этой далекой тюрьмы без решеток. Так как южная Сибирь граничит с Монголией, многие из них выбирали путь к свободе именно через эту страну.

Среди польских ссыльных было несколько позднейших исследователей Сибири и Монголии, обычно членов российских научных экспедиций. Одним из них является Александр Лаврентьевич Чекановский (1833–1876) — геолог, палеонтолог, географ, картограф, путешественник. Он учился в гимназии в Киеве, на медицинском факультете Императорского университета Святого Владимира и на факультете минералогии Дерптского университета. В 1857 г. разработал и систематизировал коллекцию Императорского университета Святого Владимира в Киеве. В 1863 г. был сослан на каторгу за участие в польском Январском восстании. Он пребывал в Сивакове над Ингодой, в Дарасуне над Турой и в селе Падун над Ангарой. В 1866–1867 гг. собирал природные коллекции, вел метеорологические и геологические исследования, и одновременно физически работал у сибирских крестьян. В 1869–1871 гг. вел геологические исследования в южной части иркутской губернии, вместе с Дыбовским, Годлевским и Вроньским участвовал в экспедиции на вершины Саян на границе с Монголией и провел исследования северной части озера Хубсугул в Монголии. Хубсугул, называемый также маленьким Байкалом (в прошлом на польском использовалось также название Косогол) — пресноводное тектоническое озеро в северной части Монголии, расположенное недалеко от границы с Россией. Это второе по величине и одновременно самое глубокое озеро в Монголии. Хубсугул — шестнадцатый по величине пресный водоем в мире, содержит почти 70% монгольских и 2% мировых ресурсов пресной воды. Руководителем похода в 1871 г. был Кароль Нойманн, он обратился к властям с просьбой о разрешении на выезд в исследовательских целях ссыльных Дыбовского, Годлевского, Чекановского и Вроньского. Дыбовский был не очень доволен тем, что путешествие было подготовлено поспешно и, следовательно, неаккуратно. При попытке подъема на вершину Мунку-Сардык путешественников застал буран. Это происшествие Марьян Кароль Дубецкий (1838–1926), историк, пожизненно сосланный после Январского восстания в Иркутск, описывает таким образом: «Посетив берега озера Косогол, пройдя главные кочевья дархатов и их соседей урянхайцев, получив любезную аудиенцию у властелина этих засаянских стран, поход поднимался на Мунку-Сардык. Это высшая вершина Саяна [...]. Никто раньше туда не добрался, никто не измерил высоты этой самой высокой башни Саяна. Чекановски с товарищами решил первым измерить высоту пика Мунку-Сардыка. Поход брел по ледникам и добрался до возвышенностей, до сих пор неизвестных европейским географам. [...] Нойманн не успевал за нашими земляками. Притом туманы, лед, облака, которые невозможно пройти, свисавшие на таинственных вершинах вечного снега, не позволили добраться до цели. Чекановски предпринимал попытки, поднялся выше других, но не пробрался через тайну занавеса, обернувшего Мунку-Сардык. Вопрос, имеет ли Мунку-Сардык, несомненно самый высокий пик Серебряных вершин, высоту 1 300 стоп или нет, остался до сих пор неразрешенным, и, возможно, еще многие годы будем ждать ответа» [9, с. 164–165]. С этой экспедицией связано событие, таким образом описанное Бенедиктом Дыбовским: «Проводник, любимец Чекановского, сопровождавший нас во время экспедиции для исследования озера Косогол и горы Мунку-Сардыка, расположенных на территории урян-

хайцев и дархатов, за пределами российского государства, желая удовлетворить аккуратную чистоту Чекановского даже в путешествии, вместо того, чтобы вытереть подолом своей одежды деревянную миску, называемую агай, как делал это после длинного мучительного похода по степи, подавая нам кислое молоко, придумал очистить ее собственным языком перед тем, как налил молока для Чекановского. Он подумал, что таким образом достигнет цели совершенной чистоты, достойной лица, которое он так уважал. Однако, к огорчению Гаврилы (так звали проводника), Чекановски, несмотря на жажду, поданной ему агаи не принял. Гаврило потом жаловался нам в Култукте: “Правда, Александр Лаврентьевич лицо из благородной семьи, но мой язык не хуже” [...] Вежливость Чекановского, какая-то аристократическая изысканность, которая его характеризовала, была причиной, что все сибиряки считали его существом выше, чем обыкновенные люди, и человеком более знаменитым, чем остальные поляки» [9, с. 165–166]. Описываемый поход не завершился успехом, но можно смело сказать, что Александр Чекановский проявил самое большое мужество, силу и смелость. Если бы погодные условия были лучше, вероятно, ему бы удалось довести свое дело до конца и провести замеры и исследования. Чекановский умер, покончив с собой в Петербурге. Существует также теория, что он невольно принял слишком большую дозу лекарств.

Чекановский открыл залежи каменного угля и графита, а также обнаружил многочисленные следы присутствия фауны и флоры палеозойского и мезозойского периодов, сформировал огромную природоведческую коллекцию. В 1874 г. он подготовил монографию о геологическом строении изучаемых районов, сопроводив ее геологической картой. Его имя носят горный хребт в Якутии, который тянется между устьями рек Лена и Оленёк до моря Лаптевых, а также посёлок под Братском на Ангаре, 23 окаменелости ископаемых флоры и фауны, 5 видов современной флоры, а также по меньшей мере 2 вида рыб. В 1870 г. Чекановский был удостоен золотой медали Императорского Русского географического общества.

Монголию исследовали также поляки на службе Российской империи. Так, геолог, горный инженер, географ, геофизик, пионер в области геотермических исследований в России, путешественник, польский деятель Леонард Ячевский (1858–1916) являлся членом российской саянской экспедиции, целью которой было исследовать Саяны и проложить через них дорогу в Монголию. Он обследовал Восточный Саян также на монгольской стороне, включая бассейн большого озера Хубсугул, способствуя изучению географии этой части Монголии. Ячевский открыл несколько ледников в массиве высочайшей вершины Мунку-Сардыка (3491 м) на монгольско-русской границе. Он исследовал также геологическую структуру и высоту Саян, выяснил характер и время появления вулканической активности на этой территории, вел метеорологические наблюдения, собирал геологические и ботанические коллекции, разработал карту маршрута экспедиции с обозначенной водной сетью и астрономическими точками. Отчет о проведенных исследованиях поместил в «Известиях Русского географического общества» (1888. Т. 19. Вып. 1). В 1889 г. ученый занялся исследованиями вечной

мерзлоты: «Ячевски исследовал вопрос вечной мерзлоты уже в первые годы своей работы в Восточной Сибири. Экспедиция в Монголию к озеру Косогол и в горы Мунку-Сардыка убедила его в существовании этого явления не только на территории тундры и тайги, но также в горных районах Сибири. На основании своих исследований он создал до сих пор актуальную карту вечной мерзлоты в Азии [...] Ячевски первым обратил внимание на то, что проблема вечной мерзлоты выглядит иначе на низинах и в высоких горах, на южных и северных склонах» [9, с. 213].

В 1891–1892 гг. Ячевский руководил строительством центральносибирского участка Транссибирской магистрали, а также занимался геолого-географическими исследованиями Енисейских гор и разведкой месторождений золота в Енисейском золотомосном округе. В 1896 г. основал научную станцию в горах хребта Хамар-Дабан вдоль берегов Байкала. С 1898 по 1908 г. руководил коллективом, занимающимся разведкой золотых месторождений в Сибири. Говорили о нем, что «в каждом из этих направлений он всегда шел собственным путем, лишь изредка используя пути, проторенные его предшественниками» (А. Стопович, Г. Малавкин). В 1899–1903 гг. преподавал в Высшем горном училище в Екатеринославе (ныне Днепропетровск). С 1905 г. преподавал в Николаевской военно-инженерной академии. Участвовал в составлении двух больших геологических карт Сибири. Также составил карту системы рек Центральной Сибири. Написал 89 научных работ. Был женат на Елене Бирон, у них родились сын Тадеуш и дочь Мария. В 1898 г. за научные достижения Императорское Русское географическое общество удостоило его серебряной медали Пржевальского. Умер в Петрограде, а его символическая могила находится на кладбище Повонзки в Варшаве.

Другим исследователем Монголии был Казимеж Гроховский (1873–1937), инженер, геолог, путешественник, педагог, публицист, археолог, этнограф, лингвист, польский общественный и культурный деятель. В 1906 г. уехал на Дальний Восток. В 1908–1920 гг. провел около 30 научных экспедиций в качестве участника и руководителя. Путешествовал по Сахалину, Восточной Сибири, Туве, Уссурийскому краю, Якутии, Аляске, Монголии и Маньчжурии. В 1914 г. стал директором монгольского отдела крупной российской золотодобывающей компании и поселился на территории Внутренней Монголии (ныне Маньчжурии). В 1915 г. Гроховский отказался от работы в компании и приобрел от монгольского правительства концессию на добычу полезных ископаемых в районе реки Халхин-Гол, где вскоре открыл рудник и завод по переработке соли и соды. В 1916 г. получил от монгольского князя Барги горнодобывающую концессию на территорию в 40 000 км². В 1917 г. Гроховского пригласили принять участие в шведской геологической экспедиции в западную Монголию и Урянхайский край под руководством профессора Якоба Седерхольма, финансируемой Шведской королевской академией наук. С 1920 г. он жил в Харбине — польском городе в Китае, где работал учителем, потом он стал директором польской Гимназии имени Генрика Сенкевича и редактором нескольких польских газет, издаваемых в Маньчжурии: «Biuletyn Polskiej Izby Handlowej» [Бюллетень Польской торговой палаты],

«Tygodnik Polski» [Польский еженедельник], «Listy Harbińskie» [Харбинские письма] и их продолжение «Daleki Wschód» [Дальний восток]. В школе преподавал природоведение, географию и историю Польши. Изучал китайский, японский и английский языки, а также экономику, историю и географию Дальнего востока. Гроховский предлагал провести реформу польской школьной системы в Харбине, чтобы выпускники после окончания обучения могли применить свое образование на дальневосточном рынке. Он также хотел, чтобы как в гимназии, так и в лицее было два факультета: восточно-торговый для тех учеников, которые хотели остаться в Харбине, и гуманитарный — для планировавших вернуться в Польшу. Гроховский вел также интенсивные археологические исследования в Маньчжурии, исследуя руины древних корейских городов-государств Пуё (Фуэй) и Бохай (Пархэ). Донесения об исследованиях публиковал в научных журналах Харбина и научно-популярных периодических изданиях в Польше. Он открыл богатые месторождения золота на берегах нижнего Амура, вдоль берегов Охотского моря и на Шантарских островах в Охотском море, а также месторождения нефти и других полезных ископаемых. Одновременно он проводил археологические и этнографические исследования местных народов (якутов, тунгусов, гольдов), записывал их легенды и рассказы, изучал речь, составлял словари, разрабатывал тунгусскую грамматику. Казимеж Гроховский занимался также археологическими исследованиями и стал известен благодаря открытию в 1916 г. в разветвлении рек Гэньхэ и Дербул руин дворца, который был признан первым местонахождением внука Чингисхана (XIII в.). Коллекции инженера Гроховского положили начало нынешнему Государственному музею Монголии, он был не только его учредителем, но и также крупнейшим спонсором. Ученый передал музею богатую коллекцию экспонатов, собранных во время его многочисленных научных экспедиций, среди которых древние китайские монеты и предметы, изготовленные тунгусскими племенами. Другим интересным экспонатом был меч воина китайских партизанских отрядов из сообщества «Великие мечи», подаренный одним из членов его сообщества Владиславом Пельцом. Эдвард Кайданьски, дипломат, выдающийся синолог, журналист и автор известных научных и научно-популярных работ, романов, в книге «*Fort Grochowski*» [Форт Гроховски] вспоминает: «С инженером Гроховским я познакомился в 1933 г., когда я был учеником Польской гимназии имени Генрика Сенкевича в Харбине. Он тогда был учителем природоведения и географии. Я запомнил его как чуть сутулого человека старше меня в сверкающих золотых очках, с глобусом в руке и рулонами каких-то планов и карт подмышкой. Он передвигался между залом по географии и природоведению, где хранил свои сокровища, и залами гимназии всегда с группой учеников постарше, с увлечением обсуждающих затронутые им на уроках темы [2, с. 56].

Казимеж Гроховский пытался разными способами доносить и распространять знания о странах Дальнего Востока среди проживающих в Харбине поляков. Он был также соучредителем и многолетним председателем Польского востоковедческого общества, Общества по исследованиям Маньчжурии, а также Гимна-

зического общества географов и природоведов. Умер в Харбине, где остановился по пути на Филиппины.

Ниже приведен фрагмент дневника Казимежа Гроховского, в котором описано путешествие автора в Монголию в январе 1914 г.: «Дальше, то есть выше, путь становится хуже, на каждом шагу вода! Лед ломается и лыжи оседают на 30 см в воде. В некоторых местах олени не могут вытянуть лыжи из снега. Мы прокладываем им путь пешком, бредя в снегу до глубины 80 и даже 100 см. Лошадь Клима нервничает и не хочет идти через обледенения. [...] Солнце заходит, начинаются сумерки. Олени теряют силы и еле могут двигаться вперед. Все меньше надежды добраться к людям» [4, с. 216].

Необходимо также упомянуть о Юлиане Талько-Гринцевиче (1850–1936) — этнографе, антропологе, медике, которого называли «врачом для нищих», причем это прозвище Юлиан считал самым «достойным». Когда Гринцевич в 1890 г. потерял свое имущество в Звенигороде [7, с. 193], он решил с женой Кристиной, урожденной Шабуневич, уехать в Сибирь и занять там должность врача, которая позволит ему одновременно зарабатывать деньги и вести научные исследования. Цель путешествия находилась в котловине на границе с Монголией. В воспоминаниях Юлиана Талько-Гринцевича читаем: «Мы все ближе к концу нашего путешествия. В жаркий день на небе собрались тучи, гремело, сверкали молнии и шел проливной дождь, когда мы доезжали до Кяхты, последней станции, отдаленной от Троицкосавска на 24 версты. Это село над рекой Селенгой, принадлежащее к городу [...]. Уставшие от продолжавшейся весь день жары, мы думали только о том, чтобы добраться до Троицкосавска. Но темная ночь и непрерывная буря с проливным дождем помешали нам. Пришлось ночевать на станции» [7, с. 239–240]. В 1892 г. Талько-Гринцевич занял должность окружного врача в Троицкосавске. В 1899 г., рискуя жизнью, поехал с женой в столицу Монголии Ургу, где разразилась распространяемая дикими собаками эпидемия чумы. Кроме врачебной деятельности (кстати, он написал много научных работ по медицине, например «*Zarys lecznictwa ludowego na Rusi Południowej*», 1893; «*K вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье*», 1903) и ведения археологических раскопок — он открыл в Сибири более пятиста курганов, результаты своей работы он представил в сочинениях, изданных уже в 90-е гг. XIX в. («*Przedhistoryczne cmentarzysko na Sudży*», 1898), Талько-Гринцевич исследовал антропологические признаки бурят, халхов, тунгусов, татар, китайцев и чувашей, что описал в работах «*Ludy Azji Środkowej*» (1902) или «*Materiały do etnologii i antropologii ludów Azji Środkowej*» (1910), и монголов, однако печать книги «*Materiały do antropologii Mongolii i Zabajkala*» была приостановлена из-за начала войны в 1939 г. В ноябре 1892 г. Юлиан Талько-Гринцевич был избран членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. В 1894 г. он стал организатором Троицкосавского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, а также музея, содержащего более десятка объектов культуры народов Дальнего Востока, исторические и природоведческие коллекции Забайкалья и Монголии (каждый год музей посещало свыше трех тысяч человек), библиотеки (количество

научных работ, подаренных Санкт-Петербургской академией наук, Императорским Русским географическим обществом и 60 другими обществами и научными учреждениями как российскими, так и зарубежными, превышало шесть тысяч). Талько-Гринцевич успешно управлял этими учреждениями: организовывал ежемесячные собрания исполнительного комитета отделения, научные совещания членов, научно-природоведческие экскурсии, писал протоколы заседаний Общества и отчеты о деятельности, редактировал издания, которые печатались сначала в Троицкосавске и Иркутске, а потом в Москве и Санкт-Петербурге, и их посылал членам Русского географического общества и учреждениям, переписывался с учеными, устраивал концерты и лекции с целью получения финансирования. В 1898 г. Талько-Гринцевич получил премию Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве. В 1904 г. был удостоен золотой медали Императорского Русского географического общества. В 1908 г. вернулся в Краков и начал работу в Ягеллонском Университете. Юлиан Талько-Гринцевич говорил: «Я приехал в Сибирь шестнадцать лет тому назад не столько ради хлеба, сколько ради работы. Как человек чужой для этих мест, я не знал, каков будет мне оказан прием, будет ли понят мой труд [...]. Но я всегда помнил, что там я только гость и принадлежу совсем другому обществу. Меня понимали и не видели в этом преступления с моей стороны» [8, с. 90]. Талько-Гринцевич умер в Кракове, был похоронен на Раковицком кладбище.

Известный писатель Вацлав Серошевский (1858–1945) в 1902 г. посетил Монголию, что отразилось потом на его литературном творчестве. Вацлав Серошевский — этнограф, географ, литератор — в 1878 г. за конспиративную деятельность был приговорен к восьмилетнему поселению в Верхоянске. В 1883 г. за безуспешную попытку побега был пожизненно сослан в Среднеколымск. «Тюрьмы Сибири — писал Серошевский в воспоминаниях, — как католические кафедры в средневековой Франции, это крупнейшие здания поселков, и даже городов. Их тут называют «тюремный замок» [6, с. 295]. В 1887 г. ему разрешили переселиться в Намский улус. Серошевский издал монографию «Якуты. Опыт этнографического исследования» (1896) [12 lat w kraju Jakutów, 1900], за которую получил золотую медаль Императорского Русского географического общества. В 1900 г. за предположительное участие в манифестации по поводу открытия памятника Адаму Мицкевичу в Варшаве был повторно арестован и заключен в тюрьму на варшавском Павяке, а затем в X павильоне Варшавской цитадели. Ему поручили вернуться в Иркутск. После выкупа и ходатайства Императорского Русского географического общества наказание было смягчено и Серошевскому разрешили поехать в Японию. В 1903 г. он отправился вместе с Брониславом Пилсудским через Сибирь и Монголию на Хоккайдо для исследования айнов. Он путешествовал по Китаю, Монголии, Японии и Корее. Результатом этих путешествий, как и предыдущих опытов и наблюдений, стали новые сочинения.

Серошевский открыл залежи железной руды в Колымском и Верхоянском округах, а также собрал богатую ботаническую коллекцию. В 1914 г. приехал в Краков, чтобы исполнить свой воинский долг. В 1918 г. вошел в состав Временного (польского) правительства как министр пропаганды. В межвоенный период

много путешествовал за границей. Умер в Пясечне под Варшавой в 1949 г., его похоронили на кладбище Повонзки в Варшаве. Был женат на Стефании (в девичестве Мянговской), имел трех сыновей — Владислава, Станислава и Казимежа. Вацлав Серошевский возглавлял Союз польских писателей и Польскую академию литературы, был членом Варшавского научного общества.

Исследования Монголии велись поляками и после второй мировой войны. На основании соглашения, заключенного академиями наук Польши и Монголии в 1965–1980 гг., коллектив польских этнологов из Варшавы вел систематические научные этнографические исследования в центральной и западной Монголии. В результате были собраны уникальные данные об общественной и экономической жизни и устройстве Монголии, обычаях народов, ведущих кочевой образ жизни. Коллективом этнологов руководил рожденный в Харбине сын строителя Китайско-Восточной железной дороги профессор Витольд Дыновский (1903–1986). На основании этих исследований были написаны многочисленные публикации, докторские и диссертационные работы сотрудников Польской академии наук и Варшавского университета.

Литература

1. Кайданьски Э. *Dziennik syberyjskich podróży Kazimierza Grochowskiego*. Люблин, 1986.
2. Кайданьски Э. *Polacy na Dalekim Wschodzie*. Варшава, 2014.
3. Котвич В. *Józef Kowalewski, orientalista (1801–1878)*. Вроцлав, 1948.
4. Палкевич Я., Кшиштов П. *Benedykt Polak, pierwszy polski podróżnik*. Вроцлав, 2015.
5. Полянская О. Н. *Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского* // *Biuletyn Archiwum Polskiej Akademii Nauk*. 2009. S. 111–123.
6. Серошевский В. *Pamiętniki — wspomnienia, dzieła*, т. XVI. Краков, 1959.
7. Талько-Гринцевич Ю. *Z przeżytych dni (1850–1908)*. Варшава, 1930.
8. Талько-Гринцевич Ю. *Wspomnienia z lat ostatnich (1908–1932)*. Варшава, 1932.
9. Вуйчик З. *Aleksander Czekanowski. Szkice o ludziach, nauce i przygodzie na Syberii*. Люблин, 1982.
10. Полянская О. Н. Деятельность поляков — членов Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русского географического общества по изучению монгольских народов // *Wrocławskie Studia Wschodnie*. 2018. № 22. S. 179–194.
11. Полянская О. Н. Дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского 1828–1833 гг. «Дневник занятий за 1832 г.» — источник по истории народов Внутренней Азии. Улан-Удэ, 2012. 156 с.
12. Полянская О. Н. Монголоведение в России первой половины XIX в.: О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Улан-Удэ, 2019. 321 с.